

UDC 81'255.2 811.111

Text Lacunae “Wolves Chase” in Russian-language Version of I.Esenberlin’s Novel “Almas kыlysh” (“Bewitched Sword”)¹ Gaukhar I. Issina² Assel Abdkarim¹ Karaganda State University named on E.A.Buketov, Kazakhstan
28, University street, Karaganda, 100028

Dr. (Philology), Professor

E-mail: g.issina@mail.ru

² Karaganda State University named on E.A.Buketov, Kazakhstan
28, University street, Karaganda, 100028

Master

E-mail: yasmin2182@mail.ru

Abstract. This article is focused on the analysis of the textual lacunae "wolves chase" in the Russian-language version of the novel "Almas kыlysh" ("Bewitched Sword") by I. Esenberlin. Vivid portrayal of this scene elements, combined with the description of the psychological state of the protagonist is artistically presented in the rich stylistics of the novel.

Keywords: lacunae; translation; national color; author’s intention.

Введение. Язык, на котором создается литературное произведение, неизбежно погружает читателя в соответствующий этому языку культурологический контекст, обусловленный историческим развитием народа как этнической или государственной общности. Хрестоматийная идея В. Гумбольдта о том, что «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступить в другой круг, ...» [1, 15], в применении к теории и практике художественного перевода означает, что сохранить национальное своеобразие оригинального текста в переводе возможно лишь в том случае, если выраженные в подлиннике национальные формы жизни, психология народа и его культура полностью найдут свое отражение в пределах иноязычного «круга». Как отмечает Н. Любимов в своей статье «Перевод – искусство» о: «Национальный колорит достигается точным воспроизведением портретной живописи подлинника, воспроизведением бытовых особенностей, уклада жизни, интерьера, трудовой обстановки, свычаев и обычаев, воспроизведением пейзажа данной страны во всей его характеристике, воспроизведением народных обрядов, поверий и т.д.» [2, 243].

Обсуждение. Воспроизведение национальной сущности в переводе подлинника достигается не простым транскрибированием иноязычных слов и экзотизмов, которые не только не способствуют воссозданию национального колорита текста, но, напротив, разрушают его, а умелым «вплавлением» лексики подлинника в художественную речь переводного текста. Что же касается казахского исторического романа, каковым является «Заговоренный меч» И. Есенберлина, то яркие картины национального быта казахского народа занимают в нем особое место, являясь выразительным средством воплощения авторского замысла.

Одной из таких картин является сцена погони за волками, в которой, согласно сюжету участвует хан Абулхаир во время одного из своих военных переходов. Яркая прорисовка элементов этой сцены, сочетающаяся с описанием психологического состояния главного героя, делает данный сюжетный ход ключевым в понимании амбициозных устремлений хана Абулхаира, стремящего покарать отпавших от него и откочевавших в Моголистан ханов Керей и Жанибека: «Хан тобы әңгімелесе жүріп, бір жазық далаға шықты. Кенет Тарланкөк оскырына, танауы делдиіп, құлағын тіге қалды. Бұлар «не болды» деп жан-жақтарына қарап та үлгерген жоқ, дәл алдарынан шаңырақ мүйіздерін арқаларына сұлата жатқызып, көгал шөптің үстімен бауырлай ұшқан құстар тәрізді, ұзын аяқтарын көсілте жазып, теңбіл жүнді

бір топ арқар зуылдай өте берді... Үлкен-кішісі аралас. Шабыстарына көз ілеспейді, нағыз бір селдірлей аққан сағым-сынды, «Бұлар бізден үрікті ме?» деп хан ойланып та үлгермеді, кенет арқардың сонынан шұбалана қуған бір ұя қасқырды көрді»... [3, 147]

Погоня за волками, преследующими стадо диких архаров, превращается в контексте романа в развернутую метафору, иллюстрирующую намерения Абулхаира разделаться с непослушными братьями, к которым продолжают уходить казахские племена и роды, ослабляя тем самым Орду и ханскую власть. Однако в русскоязычной версии романа «Заговоренный меч» (перевод М.Симашко) [4] данная сцена сокращена более чем втрое, вследствие чего опущению (лакунизации) подвергнуты как пейзажные зарисовки, так и психологическая составляющая эпизода, соединенного в мыслях Абулхаира с символической «мстью» своим обидчикам – поступившим «по-волчьи» ханам Керею и Жанибеку. На наш взгляд, предпринятое Есенберлиным художественное моделирование конфликтной ситуации не освоено переводом и, как следствие, оставлено вне читательского восприятия. Здесь мы имеем налицо факт текстовой лакуны. Текстовые лакуны рассматриваются нами как понимаются любые случаи формально-содержательного несоответствия между сопоставляемыми языками и культурами, вследствие чего в акте интерпретации возникают пробелы. В нашем случае это касается количества и качества языковых средств, использованных при переводе художественного произведения.

Мотив соперничества Абулхаира со своим вассалами, пытающимися оспаривать его право быть единственным предводителем казахских племен, получает свое художественное воплощение в богатой стилистике романа: использованных автором эпитетах, коннотативных лексических связях, игре слов, значимых именах собственных и др. Однако в русскоязычной версии романа перечисленные стилистические средства остаются не востребованными.

Начнем с незаслуженно отвергнутого переводчиком оригинального наименования архаров (каз. арқар), за которыми стаей вылетели спровоцировавшие погоню волки. В интерпретации М. Симашко архары превратились в «стадо пятнистых бухарских оленей и нескольких маралов», что коренным образом поменяло содержательную составляющую текста. Для адекватного понимания текста фрагмент «шанырақ мүйіздерін арқаларына сұлата жатқызып... теңбіл жүнді бір топ арқар» важен не только по причине авторского предпочтения, но в силу ассоциативной связанности круторогих горных архаров с образом вольно кочевавшего по просторам Сары-Арки казахского народа. Быт народа определяли скотоводство и охота, а декоративно-прикладное искусство характеризовал пришедший из глубины веков орнамент мүйіз оюы (досл. «рогатый орнамент»), который и сегодня стабильно демонстрируется в национальной одежде, коврах, кожаных и ювелирных изделиях и др. Не случайно в описании фрагмента бегущих архаров И. Есенберлин использует устойчивую идиому «шанырақ мүйіз» («большие, широкие рога»), в состав которой входит лексема «шанырақ» (служащий дымоходом деревянный круг на верху юрты), что в переносном смысле означает «семью, домашний очаг». Применяя к анализируемому фрагменту понятие вертикального контекста, под которым понимается скрытая, неявно выраженная историко-филологическая информация, обусловленная самим языком и потому независимая даже от автора текста [5, 40], можно с уверенностью утверждать, что «шанырақ мүйіз арқарлар» в подлиннике, в отличие от предложенных переводчиком «бухарских оленей», являются индикатором вертикального контекста, подключающим к излагаемой последовательности событий национально-исторический компонент информации.

Рассмотрим следующий фрагмент романа – описание ханского коня по прозвищу Тарланкөк. Как известно, прозвище всегда отражает какое-либо свойство или качество персонажа. А если принять во внимание то обстоятельство, что в казахском языке все имена собственные являются значимыми и их внутренняя форма, в отличие от флективных языков, не стерта, то это означает, что даже если экспрессивное начало имени собственного в обычной речи не воспринимается, то в определенных контекстуальных условиях оно может проявиться. И мы полагаем, что в рассматриваемой сцене погони за волками мы имеем дело со специально организованным контекстом, в пределах которого прозвище, указывающее на масть коня («серый в яблоках») выполняет функцию смыслового имени.

Как отмечает известный теоретик и практик переводоведения В.С.Виноградов: «Коль скоро значимые имена собственные выполняют не столько номинативно-назывательную функцию, сколько характеристически-оценочную, то и подход к передаче на языке перевода содержащейся в них информации должен отличаться от принципов воссоздания обычных имен собственных. Заключение в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена». Значимое имя требует от читателя как оригинала, так и перевода понимания смысла внутренней формы и восприятия ее образности. Будучи транскрибированным, оно само по себе не может оказать эмоционального воздействия на рецептора в то время, как в оригинале оно рассчитано на такое воздействие» [5, 162-163].

Мысль хана Абулхаира о том, что все казахские роды обязаны находиться под одной рукой, подкрепляет и усиливает то обстоятельство, что «теңбіл жүнді арқар» (пятнистые архары) своей мастью схожи с ханским конем Тарланкоком (Тарлан означает лошадиную масть «в яблоках» в сочетании с цветовым оттенком «көк» – сивый, серый). Причем введение в повествование собственного имени коня не только служит целям идентификации, но и является данью общей традиции тюркского эпического текста, в котором коню главного героя неизменно отводится особое место. Как гласят легенды и исторические дастаны, кони батыров и ханов не только имеют прозвище и устойчивый рисунок своего внешнего облика, но даже свою «биографию» (см. Тайбурул – в эпосе «Кобланды», Байшубар в «Сказании об Алпамысе», Найман и Айғасар – в дастанах о Чингиз-хане и Абылай-хане и др.). В целом поэтизация коня – грациозного и сильного животного, способного на полном скаку словно парить над землей, переносить дальние переходы и долгие сражения, испытывать вместе со своим хозяином все невзгоды и лишения, быть единомышленником и советчиком седока, получила в казахских эпических жанрах (батырлық жырлар, тарихи жырлар, дастан и др.) свое максимальное развитие [6, 7].

При сопоставительном анализе оригинальной и переводной версии романа «Заговоренный меч» становится очевидным, что при переводе собственных имен М.Симашко, как правило, следует принципу простого транскрибирования, в то время как в рассматриваемом случае имя Тарланкөк содержит в себе опорные компоненты (стимуляторы), находящиеся в непосредственной близости от созвучных им слов, вплетенных в полотно художественного текста. Так например, описывая волков, которых преследует Тарланкөк, автор прибегает к следующим красочным выражениям: нағыз қара қылшықтары, құлынжал арландары (статные черно-гривые волки-самцы), көкжалдар (сизогривые). Осмелимся высказать предположение, что прозвище коня Абулхаира «Тарланкөк», созвучное с названиями волков (арландар и көкжалдар), служит для мстительного и суеверного Абулхаира залогом успешного «магического» воздействия на своих противников. Согласно сюжету Тарланкөк («серый в яблоках») молнией настигает мчавшихся вслед за архарами волков-арланов, а сам хан, за несколько минут подстрелив трех матерых хищников, последней оставшейся в колчане стрелой («иә, сәт!») насквозь пронзает огромного серого волка – вожака стаи.

Следующим элементом структуры оригинального казахского текста, не получившим отражения в переводе, являются авторские отступления, в которых характеризуется внутреннее состояние героя. Как отмечает автор романа, Абулхаир, став ханом, из соображений собственной безопасности перестал лично участвовать в сражениях и потому разучился держать копьё и дубину, но зато безупречно овладел палашом (полусаблей) и луком: «Өзі тікелей ұрысқа қатыспайтындығынан хан көптен бері сойыл, найзаны жұмсауды ұмытқан. Бірақ өзін аңдыған жаудың көптігінен сескеніп, Ордада жүргенінде наркескенін, атқа қонғанда садағын тастамайтын. Бұл екі қаруды жұмсауда аса шеберленіп алған. Әсіресе жақ тартуға келгенде, жебесін құралайдың көзіне дәл қадайтын мерген. Міне, осы қасиеті қазір де өзіне үлкен жәрдем берді» [3, 147-148].

Автор русскоязычной версии в переводе опустил как обстоятельства предыстории хана, сделавшие его со временем виртуозным стрелком – мергеном, так и проницательное авторское замечание о том, что даже будучи всемогущим ханом, Абулхаир остается слабым и неуверенным человеком, которого неотступно преследует страх смерти и потери власти: «алтын тақтың қызығын көрген сайын ажалдан қорқа түскен» [3, 147]. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что создаваемый И.Есенберлиным внутренний психологический портрет

героя оказывается более глубоким и достоверным, нежели представленный в версии М.Симашко. Абулхаир у Есенберлина – облеченный властью смертный, осознающий всю ненадежность и зыбкость своего как будто бы неуязвимо положения, и прячущий за внешней жесткостью и неумолимостью животный страх потери того, что имеет. Абулхаир же в интерпретации Симашко – прежде всего типичный азиатский сатрап, подавляющий в себе любые проявления человечности. В отличие от автора, переводчик в данном случае более сосредоточен на изложении событий и их последовательности, чем на психологических зарисовках, будь то детальное описание пейзажа или состояние души героя. На наш взгляд, текст, подвергнутый лакунизации в ходе перевода, неизбежно несет большие потери в информационном отношении.

Заключение. Разумеется, высказанные замечания ни в коей мере не претендуют на умаление значения фундаментального труда М. Симашко, вложенного им в перевод трилогии И. Есенберлина «Кочевники». В теории переводоведения общеизвестным остается тезис о том, что в случае художественного перевода текст может лишь бесконечно сближаться с подлинником. И не более. Потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника [5, 24].

Примечания:

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Любимов Н. Перевод – искусство. Мастерство перевода. 1963. М., 1964.
3. Есенберлин Илияс Көшпенділер. Тарихи трилогия. Бірінші кітап. Алмас қылыш. Алматы, 1976.
4. Есенберлин Ильяс Кочевники. Историческая трилогия. Алматы, 1989.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М., 2001.
6. Көшекбаева А.А. Қазақ эпосындағы ат образы. ҚДА. Алматы, 2009.

УДК 81'255.2811.111

О текстовой лакуне «погоня за волками» в русскоязычной версии романа И. Есенберлина «Алмас қылыш» («Заговоренный меч»)

Гаухар Иликешевна Исина
Асель Акашкызы Абдкарим

Карагандинский государственный университет им. академика Е.А.Букетова
Доктор филологических наук, профессор
Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская 28, 100028
E-mail: g.issina@mail.ru

Карагандинский государственный университет им. академика Е.А.Букетова
Магистрант гуманитарных наук
Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская 28, 100028
E-mail: yasmin2182@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу текстовой лакуны «погоня за волками» в русскоязычной версии романа И. Есенберлина «Алмас қылыш» («Заговоренный меч»). Яркая прорисовка элементов данной сцены, сочетающаяся с описанием психологического состояния главного героя, получает свое художественное воплощение в богатой стилистике романа.

Ключевые слова: лакуна; перевод; национальный колорит; авторский замысел.